

УДК: 81'23

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОГО АКТА: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ

И.С. Бороздина

*Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теории языка
и методики преподавания иностранных языков
e-mail: borozdina-ira@mail.ru*

Курский государственный университет

Н.И. Власенко

*Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
e-mail: natashavlasenko@yandex.ru*

Юго-Западный государственный университет

В статье представлен анализ проявления прагматических и когнитивных аспектов, вовлеченных в косвенные и прямые речевые акты. В качестве языкового материала выступают примеры речевых актов на английском и русском языках. Авторы приходят к заключению о том, что порождение и интерпретация речевого акта обусловлены тесной взаимосвязью и взаимовлиянием прагматических и когнитивных аспектов. К первым относятся цель высказывания и его иллюкутивное воздействие. Вторые представлены комплексом когнитивных механизмов, детерминированных знаниями и опытом коммуникантов, параметрами описываемой ситуации, включая функциональные характеристики её составных элементов, социальными нормами и культурными стереотипами.

Ключевые слова: *косвенный речевой акт, реляционный речевой акт, прагматика, когниция.*

Продуктивная деятельность субъекта речи и интерпретирующая деятельность адресата неразрывно связаны с ненаблюдаемой деятельностью сознания, поэтому лингвистическая прагматика проявляет повышенный интерес к когнитивным аспектам языка и речемышлительным процессам. Человек, обладая определенными языковыми способностями, имеет возможность разными способами моделировать ситуацию в целях языкового кодирования. Лингвистическая прагматика, объясняющая функционирование языка с позиции деятельности, выделяет тот факт, что речевое общение есть общественная деятельность человека, и оно во многом детерминировано социальными факторами. Речь как действие подчинена психологии межличностных отношений, в связи с этим прагматика включает рассмотрение структуры социального взаимодействия (общественной интеракции) и правил речевого поведения.

Речевой акт – минимальная единица речевой деятельности, выделяемая и изучаемая в теории речевых актов – учении, являющемся важнейшей составной частью лингвистической прагматики. Каждый речевой акт имеет структуру, в которой выделяются отдельные компоненты: 1) говорящий/адресант, 2) слушающий/адресат, 3) исходный материал высказывания (пресуппозиция адресанта), 4) цель сообщения, 5) контекст [Гак 1985].

Центральным моментом в речевом акте является иллокуция, тип речевого воздействия, и на основе этого понятия строятся различные классификации. В исследованиях Дж. Серля и Д. Вандервекена [Серль, Вандервекен 1986] выделяются следующие классы речевых актов: 1) репрезентативы/ассертивы призваны отражать положение дел в окружающем мире; 2) директивы побуждают говорящего к действию и подразумевают, что адресант обладает соответствующим желанием (просьбы, запреты, советы, инструкции, призывы и т.д.); 3) комиссивы – акты обязательства; используются говорящим с целью связать себя обязательством делать/не делать что-либо, предполагают наличие у него соответствующего намерения (обещание, клятва, гарантирование); 4) декларативы – акты изменения внешнего мира посредством их произнесения, характеризуются спецификой соответствия между высказыванием и действительностью (назначение на пост, объявление войны или мира); 5) экспрессивы – этикетные формулы, имеют своей целью выражение определенного психологического состояния говорящего (чувство благодарности, сожаления, радости).

Немаловажным фактором для классификации речевых актов является способ их отражения в языковой структуре. Именно в рамках теории речевых актов стало возможным их деление на прямые и косвенные. Прямой способ осуществления речевого акта заключается в том, что говорящий стремится оказать определённое иллокутивное воздействие на слушателя путем использования таких языковых средств, иллокутивная сила которых легко опознаётся слушающим. В таких случаях «говорящий, произнося некоторое предложение, имеет в виду ровно и буквально то, что он говорит» [Серль 1986: 195].

Косвенный речевой акт представляет собой высказывание, в котором наблюдаются хотя бы малейшие расхождения между формой и иллокутивной функцией [Власенко 2016: 38]. В основе такого речевого акта лежит противопоставление первичного (буквального) и вторичного (коммуникативного) значения языковой формы, между которыми осуществляется определённая связь, выявляемая в процессе коммуникации.

В некоторых случаях косвенный способ осуществления коммуникативного намерения является единственно возможным. Например, когда общение носит официальный характер, а позиционный

статус адресанта выше позиционного статуса адресата, косвенное высказывание директивного типа функционирует в значении предупреждения.

I would draw to your attention clause 5 of our contract which details the compensation due to us in the event of non-completion [Barker 1993: 89].

Наличие оборота *I would* сглаживает остроту ситуации, смягчает коммуникативное намерение. Стоит отметить, что в данном предупреждении есть указание на причину претензий и на возможные последствия, помимо этого оно обладает эмоциональным компонентом гнева, недовольства.

При обращении к частной переписке, где статус адресанта выше статуса адресата при условии далёкой социальной дистанции, косвенные высказывания директивного типа имеют значение рекомендации, совета.

Don't you think that the introduction to the "Domestica" contains a more descriptive element, in any case a more objective one? [Myers 1968: 34].

В данном примере мы видим, что адресант, предвосхищая отрицательный ответ, строит своё высказывание в виде вопроса с отрицательным маркером *not*. *Don't you think* – является апелляцией к мнению собеседника только лишь по форме, а на самом деле это совет.

Обратим внимание на то, что значение речевого акта не сводится к значению его пропозиционального содержания. Одна и та же пропозиция (суждение) способна входить в различные речевые акты.

Просьба может быть выражена условным предложением, придаточное предложение эксплицирует предварительное условие успешности директива. Кроме вопроса о способности косвенные высказывания могут указывать на целесообразность выполнения действий.

Avoid accents if you can, they are just as bad as apostrophes [Котий, Гюльмисарова 1999: 17].

Косвенные высказывания директивного характера могут употребляться в функции ещё одного семантического инварианта – приглашения, характерной чертой которого является малая степень категоричности и связь перлокутивного эффекта с желанием адресата речи выполнить ожидаемое действие.

Will you take salt with us on Sunday or Monday night? [Turnbull 1963: 304].

Вежливое побуждение задается модальным глаголом *will*. Этот тип косвенных высказываний обладает рядом черт, присущих комиссивным высказываниям, например, принятие говорящим обязательств по отношению к действию в будущем. Такие побуждения всегда инициативны.

В официальной обстановке общения при далёкой социальной дистанции между коммуникантами чаще употребляются *I should be glad if.., I shall be pleased if...* как более вежливые формы.

We are giving a dinner on Thursday the 18th August at 8p.m. at the restaurant M and shall be pleased if you will favour us with your presence [Басс 1991: 113].

Это условное предложение развернуто за счёт оценочной формулы, отражающей авторскую позицию и необходимой для предотвращения коммуникативного недоразумения.

Выбор языковых средств во многом определяется, обстановкой общения, местом и временем протекания коммуникативного акта, социальной дистанцией и статусно-ролевыми отношениями. Это обуславливается тем, что каждый коммуникативный акт имеет место в определённой экстралингвистической ситуации общения, в реальной действительности.

Несмотря на то, что прагматику традиционно относят к коммуникативному направлению лингвистики, её связь с когнитивной лингвистикой является очевидной. Дело в том, что постановка цели и её достижение в форме речевого акта не возможны без участия процесса познания. При этом задействуются не только базовые моторные программы, но и сложные когнитивные стратегии, включая языковые [Кубрякова 1991]. Таким образом, как полагает Н.В. Костенко, прагматический компонент не ограничивается только актами речи, а присутствует в «самом "крое" языка» [Костенко 1995: 39]. В отношении речевых актов А.А. Леонтьев, например, употреблял термин «мыслительно-речевой акт» [Леонтьев 1969]. В такой ситуации принцип прагматической релевантности становится одним из ведущих в процессе классификации и категоризации мира.

В плане изучения прагматических и когнитивных аспектов особый интерес представляет реляционный речевой акт как частный случай нескольких классов речевых актов, выделенных Дж. Серлем и Д. Вандервекеном, например, репрезентативов/ассертивов и директивов. Реляционный речевой акт можно определить как процесс и результат речевой деятельности, целью которой является порождение или восприятие высказывания, репрезентирующего отношения между объектами, в частности пространственные отношения [Бороздина 2015; Бороздина И.С., Бороздина Н.А. 2017].

Важная для понимания сути термина «реляционный» информация заключена в этимологии этого слова. «Реляционный» коррелирует с английским словом *relation*, т.е. отношение, которое, в свою очередь, произошло от глагола *to relate* – относиться, иметь отношение. Указанный глагол восходит к латинскому *tolerare* со значением ‘to put up with’ – мириться с чем-либо. Более глубокий этимологический анализ показывает связь этого слова с санскритом, а также с греческим и англо-саксонским словами со значениями «поднимать, выносить, нести, терпеть» [Skeat 2007]. Далее будет показано, такая трактовка значения термина

«реляционный» имеет первостепенное значение при интерпретации высказываний, обозначающих пространственные отношения, выраженные, например, предлогами.

Обратимся к такому примеру реляционного речевого акта, когда один из собеседников в адрес второго произносит фразу *Отойди от стены*. Учитывая пространственное значение предлога *от*, данное высказывание можно интерпретировать как удаление одного объекта, в данном случае – человека (референта), от другого – стены (релятума) на некоторое расстояние. В подобной интерпретации пространственное расположение объектов представлено только при помощи указания на геометрические параметры сцены. Однако подобная интерпретация не даёт ответы на целый ряд вопросов. Во-первых, с прагматической точки зрения, какова цель этого высказывания? Имеет ли говорящий целью только сообщить референту просьбу отойти от стены на некоторое расстояние? Во-вторых, на какое именно расстояние должен отойти второй собеседник, чтобы выполнить просьбу первого? Будет ли просьба удовлетворена, если референт отойдет от стены на десяток сантиметров, один метр или дальше?

Для того чтобы дать ответы на эти вопросы, необходимо определиться, что в данном случае будет являться единицей интерпретации – значение языковых единиц или смысл высказывания. Как было показано на примере с предлогом *от*, значение слова в данном случае не отражает полной сути высказывания. Оно лишь является средством доступа к той информации, которая хранится в сознании индивида за данным языковым знаком. Более того, интерпретация высказывания типа *Отойди от стены* обусловлена целым рядом других параметров, связанных с конкретной описываемой ситуацией. Именно по этой причине в качестве единицы интерпретации логичнее выбрать смысл, передаваемый языковой единицей, а не её значение.

Смысл слова или высказывания представляется более стабильной единицей для изучения и сопоставления, нежели их значения. Причина кроется в том, что значения аналогичных единиц в двух языках редко бывают тождественными. Смысл выходит за рамки системы языка и имеет отношение к мыслительным категориям. Как отмечает Н.В. Костенко, смысл – «глобальное, диффузное отражение какой-то денотативной ситуации во всей её целостности, без анализа и расчленения» [Костенко 1995: 40]. Смысл, с одной стороны, связан со значением слова, с другой стороны, смысл – мыслительная единица.

Особенно актуальным становится анализ смыслов высказываний, а не значений слов при сопоставительном анализе. Так, в английском языке русской фразе *Отойди от стены* будет соответствовать *Step/get away from the wall*. Как видно из примера, смысл, передаваемый русским предлогом *от*, реализуется двумя лексемами английского языка – *away from*. Выбор в

разных языках различных по форме, но одинаковых по содержанию средств для обозначения одного денотата является проявлением принципа прагматической релевантности как классификационно-отражательной деятельности сознания.

Обратимся теперь к анализу ответов на вопросы, обозначенные ранее. Анализируя цель употребления фразы *Отойди от стены*, можно с большой долей вероятности предположить, что адресант вряд ли заинтересован только в том, чтобы адресат лишь переместился на некоторое расстояние, удаляясь от стены. Говорящий, скорее всего, имеет целью то, чтобы между двумя объектами (человеком и стеной) не было возможности осуществления какого-либо функционального воздействия. Причём такого рода воздействие может исходить как от релятума к референту, так и наоборот. В первом случае, например, стена может быть холодной, поэтому мать говорит ребёнку отойти от неё, чтобы не было переохлаждения. Возможна также ситуация, когда человек стоит у стены старого разрушающегося здания, и отойти от неё нужно для того, чтобы упавший со стены камень или кирпич не нанесли вред. Случаи, когда отойти от стены необходимо для того чтобы избежать функционального воздействия референта (в данном случае человека) на релятум (стену), встречаются реже. Это, например, может быть ситуация, когда на стену нанесено изображение, краска ещё не высохла, и человек должен отойти, чтобы не задеть стену и не испортить изображение.

Таким образом, деятельность адресанта при порождении реляционного речевого акта зачастую обусловлена необходимостью оценить возможное функциональное воздействие релятума на референта или референта на релятум, а не направлена только на указание адресату переместиться в пространстве на некоторое расстояние от релятума. В таких случаях функциональные параметры пространственных сцен превалируют над геометрическими параметрами. При этом подобного рода воздействие, как было показано, может меняться в каждой конкретной ситуации, даже когда в пространственные отношения вступают одни и те же объекты.

Попытаемся теперь дать ответ на вопрос о том, на какое расстояние должен переместиться адресат, чтобы выполнить просьбу адресанта. Здесь помимо прагматических характеристик в действие активно вступают когнитивные механизмы. Зная характеристики референта и их функциональные возможности, говорящий может оценить, при перемещении на какое расстояние слушающий исполнит данное ему указание. Подобного рода оценку пространственной ситуации должен выполнить и слушающий. При этом для правильной оценки ситуации и успешного осуществления коммуникации он должен обладать, если не одинаковым, то хотя бы близким уровнем знаний о ней. В каждом конкретном случае даже для одной и той же фразы типа *Отойди от стены*

требуемое для перемещения расстояние будет разным. Например, ребёнку нужно будет отойти от стены только на несколько десятков сантиметров (по оценке информантов это расстояние должно быть в районе 50 см. и более) от стены, чтобы избежать её температурного воздействия. При этом существенными параметрами релятума (стены) для этой пространственной сцены являются материал, из которого она изготовлена (от этого зависит уровень теплопроводности), и, возможно, толщина стены (чем она толще, тем меньше через нее проникает холод).

В ситуации с опасностью пострадать от падающих кирпичей и камней расстояние, на которое должен отойти референт от релятума, будет больше. В отличие от предыдущего случая, оцениваемые параметры релятума тоже будут иными. Такие параметры стены, как её материал и толщина, будут несущественными, а вот высота стены приобретает первостепенное значение, т.к. от этого зависит, на какое возможное расстояние будут разлетаться кирпичи.

В целом, при реализации реляционного речевого акта, репрезентированного высказыванием с предлогом *от*, говорящий и слушающий должны оценить размеры зон воздействия релятума и референта, а для исполнения цели реляционного речевого акта добиться такого расположения двух объектов, при котором эти две зоны не будут пересекаться.

Как уже было отмечено, для успешной реализации реляционного речевого акта коммуниканты должны обладать приблизительно одинаковым объёмом знаний об описываемой пространственной ситуации и достаточным опытом для её правильной интерпретации. Рассмотрим в качестве примера реляционный речевой акт, вербализуемый предложной фразой *Отойди от костра*. Наиболее вероятная и привычная интерпретация данного высказывания будет следующей: слушающий должен удалиться на некоторое расстояние от релятума (костра) на такое расстояние, при котором функциональные области двух объектов не будут пересекаться. Как правило, это будет расстояние, обеспечивающее безопасное расположение человека относительно костра. Данная интерпретация предложного высказывания обеспечена общностью знаний и опыта говорящего и слушающего в отношении таких объектов, как человек и костер, а также вероятных способов их функционального воздействия друг на друга.

Однако успешность одинаковой интерпретации смысла данного речевого акта адресантом и адресатом существенно снижается, если, например, адресант обладает бóльшим количеством знаний об описываемой пространственной ситуации, чем его собеседник. По мнению А.А. Залевской, «...именование и идентификация поименованного не могут рассматриваться как “зеркальные” процессы» [Залевская 2018: 11]. С одной стороны, задействованы цели, знания, опыт, оценка, эмоции и т.д.

говорящего, а с другой стороны, интерпретация высказывания происходит под влиянием тех же аспектов, но характеризующих уже слушающего. Ситуация ещё более усложняется, когда коммуникантами являются носители разных языков, т.к. в этом случае на интерпретацию речевого акта оказывает влияние и опыт, приобретаемый под влиянием разных лингвокультур.

Если представить, что говорящему известна информация о том, что в костре находится взрывоопасный объект, а адресату – нет, то в этом случае интерпретация цели и содержания речевого акта у его участников будет разной. Целью речевого акта со стороны говорящего будет просьба к слушающему отойти на достаточно значительное расстояние от костра, на случай, если находящийся в костре объект взорвется. Интерпретация же слушающего будет носить традиционный характер – удаление на незначительное расстояние от костра, только чтобы избежать сильного теплового воздействия. Таким образом, здесь наблюдаются два вида интерпретации пространственной сцены и пространственных отношений – стандартная и нестандартная. При этом адресанту необходимо приложить дополнительные когнитивные усилия для того, чтобы осознать, насколько адресат осведомлен о деталях ситуации, т.е. сравнить её стандартную и нестандартную интерпретации, и в случае несовпадения, возможно, включить в речевой акт дополнительную информацию.

Подобного рода явление вполне объяснимо, если центральным аспектом речевого акта, как прямого, так и косвенного, рассматривать не формальные языковые структуры, а индивида, который живо интерпретирует ситуацию общения. Так, А.А. Залевская отмечает, что «человек как субъект процессов именования и идентификации поименованного выступает как продукт взаимодействия комплекса «начал» – индивидуального и социального, чувственного и рационального, при этом и название, и понимание всегда связаны с эмоционально-оценочным переживанием именуемого или идентифицируемого» [Залевская 2018: 10].

В заключение необходимо отметить, что порождение и интерпретация речевого акта представляют собой сложный вид деятельности, в котором переплетены прагматические аспекты (цель высказывания, его иллокутивное воздействие) и комплекс когнитивных механизмов, которые обусловлены знаниями и опытом коммуникантов, параметрами описываемой ситуации, включая функциональные характеристики её составных элементов, социальными нормами и культурными стереотипами.

Библиографический список

Басс Э.М. Научная и деловая корреспонденция. М., 1991. 176 с.

Бороздина И.С. Реляционный речевой акт как феномен лингвокультуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 27 (382). Филологические науки. Вып. 98. С. 30–35.

Бороздина И.С., Бороздина Н.А. Подходы к изучению пространственных концептов в языке: современное состояние проблемы // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал. 2017. № 4 (27). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/027-003.pdf> (дата обращения: 02.02.2019).

Власенко Н.И. Функционирование косвенных речевых актов в эпистолярном жанре: монография. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2016. 127 с.

Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 5–15.

Залевская А.А. Вопросы естественного семиозиса: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. 160 с.

Костенко Н.В. Прагматический аспект семантики слова и фразеосочетания: на материале способов выражения смысла «отклониться от вертикального положения» в английском и русском языках // Коммуникативный и прагматический компоненты в лингвистических исследованиях: сб. статей. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. С. 39–45.

Котий Г.А., Гюльмисарова В.Р. Деловые письма на английском языке: практическое пособие. М., 1999. 192 с.

Кубрякова Е.С. Прагматика и когнитивная лингвистика // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц: тез. докл. М., 1991. С. 5–6.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Наука, 1969. 214 с.

Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 195–223.

Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18. С. 242–264.

Barker C. Letters at work. London, 1993. 113 p.

Myers R. Richard Strauss and Romain Rolland. Correspondence, diary and essays. Los-Angeles, 1968. 239 p.

Skeat W. The Concise Dictionary of English Etymology. Wordsworth Edition Ltd, 2007. 643 p.

Turnbull A. The Letters of Scott Fitzgerald. New York, 1963. 648 p.